

Анна Самвебер

Из моей жизни

**Воспоминания о Рудольфе Штейнере
и Марии Штейнер - фон Сиверс**

К изучению истории Антропософского движения и общества

*Издано под редакцией Якоба Штрайта
Книгоиздательство «Врата», Базель, 1982
Из самиздатского наследия С.П. Мещеряк-Булгаковой*

С Анной Самвебер я впервые познакомился ближе в пятидесятые годы в Швейцарии. В течение десяти лет мы больше не виделись, до тех пор, пока я не получил возможности дважды посетить ее в продолжении целого дня 5 и 7 апреля 1968 г. в восточном Берлине. Жила она тогда в доме Лессинга-Николаи.

Встретила она меня, восьмидесятичетырехлетняя, со свойственной ей сердечностью, и была так расположена, что в течение шести часов каждого из двух дней, рассказывала о своей жизни, прерывая себя только, чтобы совместно закусить. Ее воспоминания о Рудольфе Штейнере произвели на меня такое впечатление, что я невольно стал записывать в ее присутствии то, что она рассказывала. Пришел я туда, собственно, без этого намерения, однако нашел рассказываемое столь важным, что почти сразу схватил карандаш. Она нашла это правильным, понимая необходимость точно удерживать, рассказываемые случаи. В своей жизни она многократно рассказывала об этом, чтобы внести свой вклад в человечески-правдивый образ Рудольфа Штейнера. Участником этих сообщений был мой друг Францис Энгель.

Анна Самвебер, маленькая, активная в беседе, темпераментная, сохраняющая ясную память, рассказывала с образной живостью. В качестве многолетней сотрудницы Рудольфа Штейнера в Берлине она принимала непосредственное участие в его работе. Год спустя после нашей встречи она скончалась. Ее воспоминания покоились годами, в доставленных из Берлина записях, в выдвижном ящике стола. Впервые рассказал я о них связно в выступлении 1977 года, по случаю торжества в память Марии Штейнер в Цюрихе. Отклик был столь положителен, что с того времени меня стали часто просить рассказывать об этом. Этим трудом я отвечаю всем многочисленным пожеланиям. Точность рассказов дополнена по смыслу, хотя многое в них подлинно дословно; мои письменные записи, однако, не были стенограммами.

Относительная давность событий придает им теперь вполне исторический характер, что позволяет даже личное принять объективно. Некоторым дополнениям в тексте обязан я Доротее фон Берлеци, другу Анны Самвебер, а фотографии предоставила мне в распоряжение достойная благодарности Хильтруда Анхальт, у которой Анна Самвебер провела свои последние недели жизни в западном Берлине (родилась Анна Самвебер 8 июня 1884 г., умерла 2 августа 1969 г.).

В качестве юной воспитательницы

Анна Самвебер росла в Мюнхене в семье булочника. После окончания школы родители передали ее для дальнейшего обучения и подготовки в качестве учительницы в один североитальянский монастырь. Закончив обучение, она прибыла в качестве юной воспитательницы в Париж, к ребенку одной французской семьи. Здесь познакомилась с одной немецкой семьей судовладельцев из Одессы (юг России), и еще не достигнув двадцати лет, получила место домашней учительницы к девочке в этой очень богатой семье. В приморском городе на Черном море находилась большая немецкая колония, и там была немецкая школа; почти сразу, наряду с воспитательской деятельностью в семье судовладельца, Анна Самвебер была привлечена в качестве помощницы учительницы в немецкую школу, что она исполняла с усердием и радостью. Из пережитого в Одессе неизгладимо запомнились ей два случая.

Первое событие

Однажды я посетила с моей маленькой воспитанницей кафе немецкого клуба, чтобы съесть там мороженое. Было теплое летнее время. Туда вошел молодой человек с пуделем, оглядел кафе и уселся за один столик с нами. Пудель был прелестен и, таким образом, установилась маленькая застольная дружба с собачкой и ее хозяином. Он представился нам

как немец, я — как мюнхенка. Я не скрала, что несколько лет не была дома и не видела своих родителей. Он сказал: «В скором времени я поеду по делам в Вену как коммерсант, и должен быть потом также в Мюнхене». В ходе беседы он вызвался передать моим родителям от меня приветы, мы договорились, что я передам ему для родителей маленький подарок. Он уехал. Некоторое время спустя я получила от моих родителей восторженное благодарное письмо за все, что передал им милый господин. Вернувшись в Одессу, он посетил меня. Жена судовладельца любезно приняла его, когда он вернулся с приветами и знаками внимания моих родителей. Неожиданно он предложил мне провести с ним часок в беседе в ближнем береговом кафе. Я не была к этому приучена и колебалась. Однако, хозяйка дома приняла его сторону и стала уговаривать меня не отказываться наотрез от милого приглашения. Я позволила себя уговорить. Летняя погода была великолепна и вскоре мы сидели в береговом кафе на открытом воздухе и беседовали. Большие и малые лодки, парусные суда и пароходы оживляли водный пейзаж. Неожиданно молодой человек пригласил меня занять послеобеденное время катанием на лодке. У меня было как-то особенно странно на душе, как бы предчувствие чего-то. Он настаивал до тех пор, пока я, внутренне настороженная, не последовала его приглашению. Он пошел целеустремленно, к ожидающей несколько в стороне моторной лодке. Несколько слов, подмигивание лодочнику и приглашение занять место в лодке. Я ясно заметила это подмигивание лодочнику. Меня озарило, и я умчалась оттуда, как затравленная. Домой я примчалась, уже освободившись от кошмара, но в замешательстве. Четырнадцать дней спустя в дом судовладельца пришел полицейский. Мне показали альбом с фотографиями разных мужчин и спросили, не знаю ли я одного из них. Действительно, приветливый торговец оказался там. Тогда полиция сообщила мне и моим хозяевам, что они нашли у него мой адрес. Этот господин принадлежал к кругу торговцев девушками, недавно раскрытому. Среди прочих был пойман этот торговец, ничего не подозревавшие девушки приглашались на «приятную прогулку на лодке» и, находясь вне Одессы, доставлялись на ожидающий пароход, доставлявший их на Восток, где они бесследно исчезали. Меня озарила как бы внутренняя молния. Решалось водительство судьбы.

Второе событие

Было это перед началом войны 1914 года. В Одессе стало известно, что царская семья посетит этот город. Царица была из немецкого княжеского рода и немецкий язык был разговорным языком царской семьи. Таким образом, нашей немецкой школе в Одессе неожиданно поручили подготовить к встрече высоких гостей песни и стихотворения, чтобы их ими приветствовать. Должен был состояться прием царицей детей. Исходя из безопасности, царская семья оставалась в салоне особого поезда в пределах зоны вокзала Одессы.

В указанный день я с коллегой и wybranными детьми немецкой школы были на приеме, мне было поручено сказать несколько приветственных слов и дирижировать программой. Я владела тогда уже маленьким фотоаппаратом, и передала его моей коллеге, чтобы она как-нибудь сфотографировала царскую семью; мы встали в салон-вагоне плечом к плечу и любовались дорогой обстановкой, а особенно буфетом, для которого кондитеры Одессы приготовили сладости, там расставленные. Наконец, появилась царская семья, но без царя. Царица заняла место в заранее приготовленном кресле. Дети ее стояли рядом с ней. Как только я начала приветствие по-немецки, передо мной встал адъютант и сказал: «При дворе приняты английский и русский языки». Тогда я вынуждена была сразу перестроиться и приветствовала по-русски. Самая младшая дочь — Анастасия — находилась непосредственно около буфета со сладостями, вступление моих детей шло своим ходом. Тут я заметила, как Анастасия украдкой приподняла крышку банки с пралине и засунула одну шоколадку в рот, а другую вложила в руку стоявшему рядом с ней цесаревичу. Я улыбнулась

Анастасии. Царица заметила это, посмотрела туда и увидела как цесаревич только что сунул пралине в рот. Она встала с кресла, сделала несколько шагов к нему, энергично приказывая: «Выплюнуть! Выплюнуть!», что цесаревич тотчас же и исполнил. Анастасия же — успела проглотить. В негодовании царица шлепнула свою младшую дочь по руке. Естественно, мы все были несколько смущены. Тем временем наш маленький концерт продолжатся согласно программе. Вскоре мы были благосклонно отпущены. У меня остался редкий снимок, фотопортрет, хорошо удавшийся и наглядно запечатлевший царскую семью в салон-вагоне. Я держала его всегда при себе, даже при бегстве из России во время войны. Позднее фотокарточка обрела неожиданную актуальность.

Бегство из России

Моя деятельность в качестве воспитательницы дочери судовладельца продолжалась. В дальнейшем эта девочка стала второй женой Троцкого. Мои школьные уроки в немецкой школе оказались под сомнением в связи с началом первой мировой войны; во мне пробудилось сильное стремление поехать домой. К тому времени я уже имела собачку, терьера. Вопреки всякому здравому смыслу, с рюкзаком, собачкой и небольшими средствами, в 1915 году я отправилась в путь из Одессы в Мюнхен. Значительные пространства были уже военной зоной и не имели общественных средств передвижения. Частично железной дорогой, частично пешком, то в повозке с лошадью и так далее, добралась я до Венгрии. Маленькую собачку я несла чаще всего в рюкзаке. Вскоре я оказалась без средств и вынуждена была побираться. После многих недель лишений прибыла я в Будапешт. Три дня я ничего не ела, я встала у кафе и собачка, встав на задние лапки, добросовестно просила со мной милостыню. Ко мне подошел офицер, смерил взглядом мою оборванную жалкую фигуру и собачку, из сочувствия он пригласил меня закусить в кафе. Я рассказала ему о своей судьбе. Он проявил участие и поселил меня на несколько дней для поправки в гостиницу. Он же купил мне билет до Вены, подарил мне одежду и маленький чемодан с продуктами. (Бывают «звездные часы», однако, есть также и «звездные люди». Одним из них был он). С долгими простоями на этапах добралась я до Вены. Чемодан со съестными припасами, с помощью других едоков, был опустошен. С рюкзаком, собачкой, без денег и еды прибыла я в Вену. Я отыскала немецкое посольство. Когда я рассказала о моем полном приключений бегстве из Одессы в Вену, мне не поверили. Я заметила как служащие перешептывались друг с другом. Внезапно вспыхнула мысль: «Они заподозрили в тебе шпионку». Тогда я убежала к западному вокзалу, где скиталась голодная, ожидая чуда, и оно произошло. Я увидела надпись: «К вокзальной миссии, Красный Крест, 2 этаж». Я нашла дверь, постучала, вошла, внутри сидел офицер с нарукавной повязкой Красного Креста. Доставая левой рукой еду из выдвинутого ящика, он поглощал свой завтрак. Моя собачка принялась, подластившись, прыгнула к нему на колени и получила еду. Контакт был установлен. Я изложила ему свою ситуацию. Он всесторонне обдумал, как он может помочь мне попасть в Мюнхен. Наконец, он предложил мне: «Если я объявлю Вас докучливой бродяжкой, то Вы будете официально бесплатно эвакуированы железной дорогой, возвращающейся обратно в Германию, в Мюнхен, поездом со стройматериалами». Я была в восторге. Он выдал мне бумагу, поставил печать, подписал и пожелал хорошей поездки. Таким образом, мы — собачка и я, довольные и радостные, давно лишенные Родины, — доехали до Мюнхена.

Забегая вперед: несколько лет спустя, после войны, я была в гостях в Дорнахе. На улице, недалеко от Гетеанума, я встретила одного знакомого в сопровождении другого господина. Он представил его мне как «господина д-ра Колиско»; не его ли фамилия стояла на моем свидетельстве бродяги из Вены? Тут же, на месте, достала я лист из моей сумки (такие ценности носят при себе). Да, там стояло тоже «Колиско». Я показала ему подпись.

Он остолбенел. Да, он был мой офицер из вокзальной миссии в Вене, доктор Колиско был тем, кого я уже встречала. Тут же мы отпраздновали радостную встречу!

В Мюнхене

Четырнадцать лет отсутствовала я дома. Никто не знал о моем прибытии. При выходе с вокзала моим любопытным глазам предстала афиша, возвещающая о лекции по воспитанию, и я подумала, что это в высшей степени интересно. Достигнув родительского дома, я захотела полностью насладиться сюрпризом. Родители жили в первом этаже. Я оставила собачку перед входной дверью, позвонила, шмыгнула на площадку этажа и поднялась на несколько ступенек вверх. Вышла мать, она была очень удивлена, увидев перед дверью собачку, пригласила отца и как они гадали и качали головами. Я сбежала вниз по лестнице. Эта сила встречи!

Во второй половине дня моя мать должна была в определенное время встретиться в городе в кафе «Люштпольд» с моей сестрой. Она сказала мне: «Тебе следует разыграть свою сестру». Итак, мы поехали вместе в город. В кафе сестры еще не было. Я заинтересованно взяла газету, чтобы, наконец, еще раз почитать «Мюнхенский листок». Я подумала также, что смогу спрятаться за газету, когда придет сестра. Мой взгляд снова попал на извещение, прочитанное уже мною на афишной колонке. Лекция «Воспитание ребенка» читалась каким-то Михаэлем Бауэром. Тогда я должна пойти туда! Я запомнила место и время. Когда подошла моя сестра — поднялась суматоха. Для нас дома настали радостные дни. Тем не менее, в определенный вечер я появилась на лекции «Воспитание ребенка». На эту лекцию пришли показавшиеся мне несколько странными люди, отчасти также странно одетые. Но то, что говорил лектор, произвело на меня очень сильное впечатление. Я как бы погрузилась в свои мысли, мне открылся новый мир. Позднее я захотела заговорить с ним, но пробраться через окруживших его дам было трудно. Только внизу у выхода мне удалось это, когда он подошел туда с одной милой дамой. Это была Маргарита Моргенштерн, вдова, как я позднее узнала, умершего в прошлом году поэта Христиана Моргенштерна. Среди прочих, я задала и вопрос о дальнейших подобных лекциях. Тогда дама направила меня в Мюнхен в «Комнаты искусств», где происходили антропософские мероприятия, была библиотека и так далее. Благодаря этому, я, ничего не подозревая, нашла связь с антропософским движением и начала читать книги известного доктора Рудольфа Штейнера. Так как я сейчас же предложила свои услуги и помощь, то меня попросили при случае сотрудничать в картотеке антропософской библиотеки и, таким образом, навести в этой библиотеке порядок. Также пригласили меня для участия в помощи во вскоре состоявшемся памятном торжестве¹.

Это означало, что я могла бы помогать в украшении помещения цветами, а после окончания мероприятия протягивать у выхода кружку для скромной лепты (в попрошайничестве я ведь уже натренировалась). Собственно, я еще совсем не знала, что же там делалось у этих странных и чем-то мне симпатичных людей. О Рудольфе Штейнере я знала только из открывшейся мне литературы. Вечер наступил. Я помогла украсить помещение красными розами. В начале торжественно играл на фисгармонии господин Аренсон, а его сын, маленький Ганс, присутствовал при этом стоя... На сцене несколько мужчин играли разделенный на роли странный текст — сцену «Мировой полночи» из драмы-мистерии «Пробуждение души» Рудольфа Штейнера. Роль Бенедикта читал Рудольф Штейнер, которого, однако, я еще не знала. Потом этот «артист» вышел на кафедру и произнес речь, посвященную памяти Софии Штинде, она меня глубоко растрогала. Тогда меня охватила уверенность: тот, кто здесь говорит, должен быть доктором Штейнером, книги которого я читаю. Его «слово» и сущность потрясли меня до глубины души. Снова заиграла фисгармония, и я встала у двери с кружкой для сбора средств. Толпа постепенно

¹ София Штинде, см. памятное обращение Рудольфа Штейнера. GA 261, P. Штейнер. Наши умершие, 30.11.1915

разошлась. Я поставила свою кружку у двери и увидела доктора Штейнера, беседовавшего с немногими окружавшими его людьми. У меня появилась мысль: что могло бы войти в мою жизнь, чтобы я посмела подать руку этому человеку? Обычно я совсем другая, не робкая и не сентиментальная, но я — «сошла с пути». Потекли слезы. Так стояла я в стороне и ждала, чтобы заняться уборкой. Вдруг я услышала за собой голос. Из-за моего плеча протянулась рука и схватила мою. Это был доктор Штейнер; японская корзина выпала из моей руки и раскрылась на полу, рассыпав содержимое. Все (без исключения) белье, и нижнее белье, лежало среди прочего под ногами доктора. Клубок шерсти сделался самостоятельным и покатился между ногами доктора Штейнера вдоль длинного коридора. Удивленно, но весело он воскликнул: «Так меня еще действительно никогда не приветствовали!» — Так состоялся мой переезд в Берлин. Вскоре я приступила к записям лекций и другим печатным работам.

То было военное время. Был организован детский приют и Рудольф Штейнер попросил меня взять на себя руководство этим приютом, что я немедленно исполнила. Существовал также лазарет, финансируемый богатым членом Антропософского общества (Рохлингом). Служба помощи была очень близка сердцу Рудольфа Штейнера. Он сделал эскиз медали, которая присуждалась принимавшим наибольшее участие санитарам и сиделкам в уходе и помощи. На ней стояли слова: «Благо способствующим исцелению». На металле были отчеканены руки, принимающие лучи Солнца, чтобы донести их до земных бед (Анна Самвебер всегда носила под одеждой такую медаль, как медальон).

Рождественские игры в Берлине 1916-1917 годов

С большой любовью Рудольф Штейнер воскресил собранные в Верхнебережье его уважаемым учителем, профессором К. Я. Шрезром, Рождественские игры. Они игрались не только в Гетеануме, но постепенно все в большем числе мест, Их представление осуществляется образно и душевно-захватывающе, донося весть о Рождении Христа от древнего народного духа — сюда, для переживания современными людьми. Рудольф Штейнер очень придерживался традиции подлинного и исконного народного представления.

В середине войны я образовала в Берлине компанию, которая играла в различных местах, а также в больницах. Сама я играла в национальном костюме хозяйку. В больнице им. Вирхова была договоренность о представлении рано утром. Я позаботилась о реквизите и одежде для участников игр. Чуть свет я уложила одежду в мою японскую корзину, а то, что не вошло, несла у тела под зимним пальто, так что стала довольно полной и округлой. Было еще темно, когда я влезла в автобус. Только после длительной уже поездки я с ужасом сообразила, что я попала в ложное положение. Я вышла из автобуса. Вследствие ограниченности бензина во время военного времени, автобусы ездили очень редко, а такси имели право ездить только в пределах малого района. Я взяла такси и сообщила шоферу: «Мне нужно срочно в клинику Вирхова». Шофер смерил глазами мою округлую фигуру и взволнованно предложил мне сесть. Он мчался со мной из района в район по Берлину, как только можно было мчаться. Один раз он тревожно спросил: «Еще ничего?» — «Да, еще ничего...» Чуть опоздав, прибыли мы к portalу клиники, где меня озабоченно ожидали. Врач в белом халате был там же. Как только я вышла, раздалось: «Наконец-то она приехала!» Шофер сказал тогда врачу очень гордо: «Еще ничего не произошло!» Игра оживила после этого волнения больных и здоровых.

В начале февраля 1917 года Рудольф Штейнер прибыл на некоторое время в Берлин. Между тем, в Дорнахе кто-то рассказал, что в Берлине Рождественские игры игрались в измененном виде. Как только Рудольф Штейнер поздоровался со мной, он очень строго сказал: «Сам, соберите мне группу! Я хотел бы посмотреть игру». Я была несколько смущена, но это должно было произойти. Играли без публики, Рудольф Штейнер сидел в первом ряду и смотрел просмотренную им уже почти два месяца назад игру. Я заметила, как он во время представления сердито размахивал своим пенсне, а одна нога беспрерывно

ходила вверх и вниз. После представления он прыгнул на сцену и закричал: «... Это ведь — хозяйева, а не хозяйки! Пастухи, а не пастушки!» Гром гремел. Потом мертвая тишина. Тогда я выступила и, не скрывая силы голоса, сказала: «Господин доктор, война — мужчины на поле боя! Мы должны здесь заменить мужчин!» Снова абсолютная тишина, затем донеслись его освобождающие слова, насаженные одно на другое: «С – этим – я – могу – согласиться!» Потом он пригласил нас к полднику с кофе и пирожным, и был со всеми нами сердечен и радостен.

Было нечто удивительное в нем, он все воспринимал в одно мгновение, любую ситуацию. Каждый человек воспринимался им всегда заново, очень живо, даже если он ошибался.

Крик о помощи

У госпожи доктор Штейнер были прекрасные часы с бриллиантами, с ее инициалами на задней крышке. Они испортились, и я понесла их к одному знакомому нам часовщику, жившему довольно далеко от Мотц-штрассе. Было поздно, холодный туманный ноябрьский вечер. Я бежала в направлении Поллендорф-платц, где велось строительство штреков для подземной дороги. Я бежала вдоль тянущегося дощатого забора. Вдруг из темноты появились две фигуры и бросились на меня. Однажды Рудольф Штейнер сказал мне, что если я попаду в беду, то я всегда могу обратиться к нему. Когда теперь эти типы устремились ко мне, и один из них обхватил меня сзади, чтобы другой мог меня ограбить, я самопроизвольно внутренне возвала: «Доктор, помоги мне!» В то же мгновение они отпрыгнули как укушенные тарантулом и исчезли.

Когда утром, идя к завтраку, Рудольф Штейнер увидел меня, он приветствовал меня словами: «Доброе утро, Сам! Вы ведь кричали сегодня ночью. Что же случилось?» Тогда я рассказала о пережитом. Спокойно выслушав, он сказал утешительно и совсем просто: «Но ведь я Вам все-таки помогу».

Местные заботы

На Мотц-штрассе, 17, в первом этаже, находилась библиотека германской ветви и жилые помещения г-на и г-жи Вальтер. Г-н Вальтер — влиятельный почтовый служащий — образцово руководил антропософской работой, а также библиотекой. На втором этаже находились жилые помещения, где останавливались временно, когда бывали в Берлине, г-н и г-жа доктор Штейнер, а также помещение для эвритмии; на третьем этаже находились помещения ветви. Мотц-штрассе, 17 представлял собой большой строительный комплекс с внутренним двором, а в то время был и пристанищем для антропософской работы в Берлине. В нижнем этаже владелец дома, господин Вернике, устроил школу танцев, которой он руководил. Когда он умер, сыновья господина Вернике не изъявили никакого интереса взять на себя школу танцев. Таким образом, вдова, г-жа Вернике, хотела эти помещения внизу сдать снова. Она сдала их одному «окультисту», основавшему в Берлине «ложу Святого Грааля». Тот, кто теперь входил внизу в вестибюль, с одной стороны видел нашу доску: «Антропософское общество», и тотчас напротив — доску «Ложы Грааля».

Однажды Рудольф Штейнер приехал из Штутгарта и при входе увидел эти доски. Он немедленно запротестовал: невозможно находиться в одном доме с этой ложей. Кто-то должен удалиться. Установить это должен был третейский судья. Ложу известили об освобождении помещения, а Антропософское общество должно было выплатить ей компенсацию за переезд. Таким образом дела были приведены в порядок.

Госпожа Вернике снова сдала комнаты. Приблизительно спустя два месяца помещения были сданы дамскому клубу. Когда доктор Штейнер прибыл из Берлина, я со смешанным

чувством рассказала ему о новой сдаче помещения внаем. Он сказал: «К нам это не имеет никакого отношения; это нас не затрагивает»; следовало только объяснить это эвритмисткам. Этим все и кончилось.

Новый зал

В 1918 году для работы ветви были сняты новые помещения на Потсдам-штрассе, 93 — с лекционным залом, небольшой сценой и другими помещениями. Когда мы переехали, то в верхнем голубом зале еще отсутствовали стулья. Один состоятельный член Общества, с явным жестом в пользу берлинской ветви, меблировал зал стульями. Господин и госпожа доктор Штейнер снова приехали после долгого отсутствия в Берлин и прибыли в новое место ветви на Потсдам-штрассе. С большой радостью ввела я их в верхний голубой зал, обставленный новыми стульями. К удивлению госпожи доктор Штейнер и моему, Рудольф Штейнер сказал: «Пожалуйста, госпожа доктор, верните сумму жертвователю». Когда госпожа доктор выразила свое удивление, он ответил: «Видите ли, эта ветвь является нашим рабочим кругом, поддерживаемым нами. Жертвователю часто думает, что он, благодаря дару, обладает правом „участвующего в обсуждении“». Так как в этом случае доктор Штейнер не хотел быть обязанным, то Мария Штейнер уплатила за стулья по государственной цене.

Непосредственно после этого обсуждения, Мария Штейнер тотчас же должна была идти на репетицию в большой зал, а я осталась с Рудольфом Штейнером в зале с верхним освещением. Он продолжил разговор и сказал: «Знаете ли, Сам, Обществу невозможно также и ничего передать по наследству. Общество постоянно меняется. Завтра окажется наверху другой и все сделает иначе. Что-либо можно завещать только одному лицу или одной корпорации людей, только тогда им может перейти право пользования. Видите ли, в Веймаре было так, что Общество Гете обладало домом. В этом доме был архив Гете и Шиллера. Общество Гете не имело, однако, права и возможности претензий на дела архива Гете и Шиллера и на издание трудов Гете. Я взял себе это за прообраз».

О ругани

Так как Рудольф Штейнер, исходя из внутренних убеждений, не мог ругать людей своего окружения, если они ошибались, чтобы не нарушить отношения учителя к ученику, то он переносил зачастую такие затруднительные обязанности на Марию Штейнер, которую он тогда шутливо называл своей «уборщицей»; однажды он даже выразился так: «Она вынуждена быть моей железной метлой». Однако случилось так, что доктор Штейнер побранил меня немного в присутствии госпожи доктор Штейнер. Тогда госпожа доктор Штейнер сказала: «А почему Вы всегда ругаете Сам?» Господин доктор на это ответил: «Я все же могу иногда побранить, но тогда я должен поступить так с человеком, о котором я знаю, что он выдержит это!» На это я сказала: «А я рада, когда доктор ругает меня, ибо тогда я знаю, что ему что-то близко во мне и моей работе».

«Философия свободы» и золото

Пожалуй, был 1917 год. Предстояло новое издание книги доктора «Философия свободы». Рудольфу Штейнеру был необходим старый экземпляр, но ни одного больше не имелось. Он искал в книжном антиквариате — и ради своей «Философии свободы» все там перерыл. Вскоре после того как он столь безуспешно искал, в ту же самую книжную лавку пришла я. Работающие там дамы, которых я хорошо знала, обратили мое внимание на лежащие вокруг груды книг и заметили: «Посмотрите, сколько он опять перерыл!» Я знала,

что он искал свою «Философию свободы» и, со своей стороны, начала все переключать обратно и просматривать. В гуще разбросанных книг я ее нашла.

Довольная шла я с ней домой — и ликовала. «Господин доктор, там в антиквариате я кое-что нашла!» Он: «Но не „Философию свободы“ же, не ее, я думаю?» — «Держим пари?» — «На сколько?» — «На двадцать марок». Тут я протянула книгу, он был очень обрадован и незаметно сунул мне в руку две золотые монеты по десять марок. К этому времени наш товарищ, господин Гуммель как солдат был переведен генералом Папе на казарменное положение без вечернего хода на улицу. Таким образом, он лишился возможности присутствовать на лекциях Рудольфа Штейнера. Однако за десять золотых марок солдатам Папе можно было выхлопотать вечерний выход. Я отправилась туда и купила Гуммелю свободу на два вечера. Таким образом, золото «Философии свободы» реально принесло свободу.

К смерти Эрнста Геккеля (9 августа 1919 г.)

В день, следующий за днем смерти Эрнста Геккеля, сидели мы маленькой кампанией на Мотц-штрассе за столом вместе с г-ном и г-жой доктор Штейнер, где я подавала обед. Присутствовала также г-жа Клара Вальтер. Когда пили кофе, я принесла снизу «Берлинскую газету». Там извещалось под крупным заголовком о смерти великого естествоиспытателя. Рудольф Штейнер прочел нам вслух газетное извещение и заговорил затем возвышенно взволнованными словами о Геккеле и деле его жизни. При этом ему пришлось говорить и о том, в какие руки могут попасть работы Геккеля и его наследие. Он обратился непосредственно к госпоже доктор и упомянул то, что он всегда воспринимал как пример, — архив Гете в Веймаре, — где Общество Гете не имело права решающего голоса. А дальше он сказал ей, при всех нас, что она бы, соответственно, хорошо привела бы в порядок их общее дело².

Госпожа Доктор ответила, что она хотела бы просить духовный мир иметь возможность уйти раньше, чем он. Рука Марии Штейнер лежала на столе. Господин доктор взял ее и сказал: «Нет, госпожа доктор, Вы должны пережить меня на двадцать лет, чтобы спасти мой труд. Это Ваша карма». Госпожа доктор была в полном отчаянии³.

Мария Штейнер однажды рассказала о каком-то случае за столом, где возник разговор о том, что она переживет Рудольфа Штейнера. Она даже думать об этом не могла. «Тем не менее, — сказал Рудольф Штейнер, — Вы должны будете еще раз спасти мое имя». Когда в 1948 году я напомнила об этом Марии Штейнер, она это подтвердила: «Да, он сказал мне это снова, однажды уже сказав в Берлине».

Бюст-портрет

В приемной на Потсдам-штрассе стоял гипсовый портретный бюст Рудольфа Штейнера, полученный им в подарок. Я терпеть его не могла, так как был живой доктор, и — совсем другой. Философско-антропософское издательство должны были перевести в Дорнах и, таким образом, мы все занимались упаковкой. Я упаковывала документы. Неожиданно ко мне подошел доктор с собственным бюстом в руках и сказал: «Сам, я дарю ее Вам на память!» Я произнесла скудно-сухое «Спасибо, господин доктор».

² Существовало взаимное нотариальное завещание от 18 марта 1915 г., в котором за оставшимся в живых признавалось право неограниченного наследования и свободного распоряжения наследством (см. приложение)

³ Это же сообщение передала издателю несколькими годами ранее г-жа Клара Вальтер, присутствовавшая как раз при этом событии, точно теми же словами, слово в слово. Мария Штейнер сама рассказывала об этом также своему научному консультанту Эмилю Лайнхасу. Он тоже передает это сокращенно в своей книге «Из работы с Рудольфом Штейнером» (изд. Базель, 1950 г., стр. 32).

Когда Рудольф Штейнер уехал, я принесла его бюст в большой зал. Под сценой находилось помещение в одиннадцать метров глубиной. Я открыла выдвижную дверцу, забралась внутрь вместе с бюстом и затолкала его глубоко в задний угол. С глаз долой — из сердца вон! Полгода спустя было большое мероприятие в Берлине. Доктор приехал сюда из Дорнаха. Как бы что-то ища, ходил он у нас на Потсдам-штрассе по всем помещениям и, наконец, обратился ко мне: «Сам, куда Вы поставили бюст?» Я ответила: «Господин доктор, я не могла терпеть его присутствие», — и призналась, где он. Господин доктор вошел в открытую дверь зала и громко крикнул внутрь госпоже доктор, не подозревавшей, почему она так неожиданно, так срочно была сюда вызвана. Я хорошо видела, что складки у ее рта вздрагивали, когда он теперь «шумел»; я же должна была показать госпоже доктор, куда я поставила бюст. Я кивнула госпоже доктор на сцену, оттолкнула дверцу в сторону и сказала: «Там, сзади, в углу». Госпожа доктор нагнулась, посмотрела под сцену и состроила глазки. Тут доктор сердечно рассмеялся и просиял: «Самхен, я хотел только знать, *что именно* Вы с ним сделали!» — Таков был тип его юмора; он так радовался этому.

Спутники

Рудольф Штейнер полностью доверял Марии Штейнер. Первое известное завещание (19 февраля 1907 г.), когда она еще носила имя Марии фон Сиверс, начинается словами: «После моей смерти фрейлейн Мария фон Сиверс должна иметь право распоряжаться от моего имени. То, что она сделает, должно быть сделано от моего имени». И он закончил словами: «Сама же Мария фон Сиверс всегда будет со мной. Наше единство останется нерасторжимым». Однажды Мария Штейнер показала мне (после смерти Рудольфа Штейнера) письмо от него, в котором он объяснял, как было предопределено в духовном мире для них обоих: только с ней вместе он мог выполнить свою земную задачу. Это письмо относилось к тем очень личным письмам от Рудольфа Штейнера, которые Мария Штейнер сожгла. Когда я спросила ее, почему она это сделала, ведь было бы важно, чтобы члены Общества знали об этом, она ответила решительно: «Но не могу же я поступиться для этого Общества самым интимным!»

Доктор очень часто страдал от недостатков людей и от трудностей в Обществе. «Ведь я тоже еще человек!» Его сильно тревожила судьба Марии Штейнер: когда его уже не будет здесь. Он апеллировал к моей преданности к нему и как-то сказал: «Все будет отнято у нее, так что она больше не будет знать, чем ей наполнить жизнь, когда меня уже не будет здесь». Такие вырисовывались тени.

К судебному заявлению в Золотурне (8 января 1952 г.)

Когда мы находились у Анны Самвебер во второй раз, она заговорила о начатой попытке со стороны Антропософского общества пересмотреть после смерти доктора Штейнера принадлежавшее Марии Штейнер по завещанию наследие. Объяснялось, что Общество является наследником Рудольфа Штейнера. Правление Антропософского общества позже так интерпретировало высказывание Рудольфа Штейнера, сделанное им при новом основании этого Общества к Рождеству 1923 г., когда он предоставил книгоиздательство Марии Штейнер как подразделение Антропософского общества, как если бы этим (представлением) было ликвидировано завещание. Рудольф Штейнер 29 июня 1924 г. на Первом генеральном собрании Всеобщего Антропософского общества формулировал: «Вторым внутри движения имеем Философско-антропософское издательство, которое теперь переместилось в Дорнах и которое не может рассматриваться иначе, как выделенной частью самого антропософского движения...»

Анна Самвебер достала машинописный текст документа на четырнадцать страницах, составленный ею самой.

По своей собственной инициативе она составила заявление верховному судье в Золотурне и 8 января 1952 г. подала его, так как там проходил процесс о праве наследования Рудольфа Штейнера. Она просила меня прочитать вслух этот документ, что я и сделал. Вслед за этим она подарила его мне, чтобы я взял его с собой в Швейцарию. Отдельные места оттуда, касающиеся воспоминаний о Рудольфе Штейнере, следует сообщить здесь. Анна Самвебер выразила свое желание, чтобы «Швейцарский суд в Золотурне», защитил тогда завещание Рудольфа Штейнера и Марии Штейнер и своим судебным решением выступил против ошибочного протеста со стороны тогдашнего Правления Антропософского общества.

Сущностью Анны Самвебер является вещественный стиль ее заявления, решительный и, если нужно, воинственный. Здесь приводятся выдержки из оригинального текста.

«Это не может явиться целью моего письма, но только частью, доказывающей, что все ведет к ошибкам, заблуждениям и бессмыслице, чтобы не выражаться сильнее, в высказывании Правления и их обоснованиях. Все обоснования этому были представлены суду. Я же хочу показать на основе многих моих личных переживаний и опыта общения с Рудольфом Штейнером, что он никоим образом не был оторванным от жизни, и сделанного завещания он не забыл бы отменить — он, столь глубоко стоящий в духовной жизни человек, обращал внимание на внешние законы и считался с социальной жизнью людей. Чтобы показать на примерах из непосредственной жизни, которые могли бы пояснить образ мышления этого человека, я записала следующие переживания.

Вместо присяги я заверяю, что эти сообщения в привожу точно.

1. После одной лекции доктор Штейнер находился еще в своей комнате, держа в руке документ, он советовался с господином защитником д-ром Бютнером (членом Общества); он предполагал, что потребуется еще нотариальное засвидетельствование документа. Д-р Бютнер предложил возложить это дело на него. Доктор Штейнер ответил: „Я благодарен Вам, господин Бютнер. Это невозможно. Дела могут иметь судебную развязку. Если это пойдет в суд, то судья может сказать, что Вы находились в заблуждении. А кроме того, это было бы также неучтиво с моей стороны, так как Вы являетесь членом Общества“. На следующий день доктор Штейнер пошел к одному не состоявшему в Обществе адвокату на Потсдам-штрассе.

2. Когда рабочая группа доктора Штейнера сняла в Берлине новые помещения на Потсдамштрассе, то ему был представлен готовый контракт съемщиков. Доктор Штейнер прочитал его внимательно, как он всегда в таких случаях делал, вытащил из кармана карандаш, „сделал росчерк“ в документе и вставил слова „с квартирой для кастелянши“. Эта внимательность и тщательность доктора Штейнера повлекла за собой позже, в период жилищного кризиса, когда конфисковывались служебные помещения для квартир, то, что рабочая группа смогла удержать свои помещения.

3. ...

4. Когда доктор Штейнер переселился в Дорнах и ликвидировал свое домашнее хозяйство в 1923 г., то он разместил свой кабинет в маленьком зале этого, оборудованного и оплаченного госпожой доктор Штейнер, помещения. Это вызвало нарекания со стороны выбранного тогда Правления. Правление было шокировано тем, что мебель была расставлена без его ведома. Тогда я в ответ на это возмущение объяснила собравшейся группе, что если этому Правлению не правится то, что мебель доктора Штейнера в одном этом его же собственном помещении, отстрочена в платеже, то Правление могло бы взять свою собственную собственность: лампы, ведра, половые тряпки (это было приобретено Правлением) и уйти, так как все остальное принадлежало доктору Штейнеру или госпоже доктор Штейнер. Когда я сообщила об этом господину доктору Штейнеру в Штутгарте, то он сказал госпоже доктор Штейнер очень горестным тоном: „Видите,

госпожа доктор, эти господа полагают, что мы должны были их спросить, имеем ли мы право поставить наши вещи в наши помещения“.

5. Для крайней добросовестности, с которой Рудольф Штейнер обсуждал внешние, деловые стороны жизни относительно имущественного владения, свидетельствует также манера, с какой он держал себя в самых малых делах каждодневной жизни. В течение приблизительно восьми лет, которые я прожила в доме доктора Штейнера, очень часто я бывала свидетелем того, как Философско-антропософское издательство получало доставленные из типографии ящики с вновь отпечатанными циклами и книгами Рудольфа Штейнера. Так как господин доктор Штейнер имел право на гонорар, а госпожа доктор Штейнер, как владелица издательства, выплачивающая его, были связаны друг с другом брачным союзом, можно было бы заподозрить более фамильярное разрешение денежного вопроса, однако, существовало четкое разделение денежных дел. Всякий раз после прибытия книг фрейлейн Мюкке, доверенная издательства, шла к доктору Штейнеру и выплачивала гонорар. И благодаря оригинальному типу фрейлейн Мюкке, процесс происходил всякий раз так: доктор Штейнер принимал деньги, пересчитывал их, расписывался и благодарил фрейлейн Мюкке. Фрейлейн Мюкке отклоняла благодарность и говорила, что мы благодарны ему, на что доктор Штейнер повторял: „Нет, я благодарю Вас“.

6. У меня имелись машинописные копии с многих перепечаток лекций доктора Штейнера, изготавливаемых по стенограмме. Однажды в связи с этим ко мне пришел с просьбой один из членов тогдашнего Правления Мюнхенской ветви. Я спросила госпожу доктор Штейнер, имею ли я право выполнить его просьбу. Она ответила, что я должна пойти к господину доктору Штейнеру, сама она не могла этим распорядиться. Когда я после этого задала тот же вопрос доктору Штейнеру, то он рассердился на то, что вообще могла существовать возможность передавать машинописные экземпляры без его ведома. Он сказал: „Это духовная кража“. Я в свое оправдание возразила, что я потому его об этом и спросила. Он же ответил на это: он должен был так строго сказать, потому что я это и сама должна была бы знать.

7. Когда было основано издательство „Грядущий день“, то доктор Штейнер дал некоторые свои книги в это издательство, как он выразился на словах, чтобы „помочь ему встать на собственные ноги“. Это имело следствием то, что издательство постепенно дошло до того, что в какой-то степени поглотило Философско-антропософское издательство 2-жи доктор Штейнер и свело его до положения чистого отдела доставки. Мне не надо, вероятно, указывать суду на то, что Философско-антропософское издательство было основано на средства госпожи доктор Штейнер и всегда хорошо работало без какой-либо субсидии, а также в упомянутый момент. Вследствие ложных ситуаций, возникающих из-за этих интриг, Вольфганг Ваксмут, руководитель издательства „Грядущий день“ был (незадолго до Рождественского собрания 1923 г.) вызван доктором Штейнером в Берлин. После переговоров с доктором Штейнером Вольфганг Ваксмут спустился вниз (Философско-антропософское издательство помещалось в бельэтаже), а меня пригласили принести 2-ну доктору Штейнеру наверх один, касающийся этих вещей, документ (его квартира располагалась на третьем этаже). Когда я вошла в комнату, то господин доктор Штейнер в большом негодовании ходил по комнате взад-вперед, он бросил документ на стол и сказал: „Это банда разбойников! Ни одной книги больше они не получают от меня! Это издательство — предприятие грязной конкуренции против Философско-антропософского издательства 2-жи доктор Штейнер! Я не позволю им обобрать нас! Это духовная кража! Мы отдали этому Обществу все, оно же готово проглотить нас со всеми потрохами. Я этого не допущу!“ Я помню эти слова столь ясно и дословно, так как я никогда, ни до, ни после, не видела 2-на доктора Штейнера в таком состоянии негодования. Я описала эту сцену теперь для гласности перед общественностью, потому что она в высшей степени ясно показывает, как воспринимал доктор Штейнер такие попытки присвоить чужую собственность, и она показывает, что

он никогда не мог и подумать о том, чтобы Обществу, как таковому, передать свою духовную собственность — может быть, на основании „Рождественского собрания“, или „§8“, или того, что всегда можно было бы назвать причиной того, чтобы убрать его низложенное, но не аннулированное завещание — и сделать Общество наследником его духовной собственности...

Я пыталась этими сообщениями из жизни с доктором Рудольфом Штейнером показать, сколь абсолютно корректными и ясными были его действия во внешних делах повседневной жизни; он всегда тщательно прочитывал то, под чем он подписывался, и не полагался на других, он весьма щепетильно принимал во внимание границы своей и чужой собственности, то есть ни через человеческую личную связь с другим, ни через человеческое объединение в Общество, не допускал каких-нибудь неясностей относительно законных имущественных отношений отдельных людей. Он по-деловому и энергично оберегал свои авторские права, так же как и вообще решительно выступал против всякого расплывчатого ведения таких дел».

Кашне, шляпа и пальто

При больших открытых лекциях Рудольфа Штейнера в Берлине (в то время, когда он боролся за социальную трехчленность) он иногда пользовался особым выходом, ведущим к артистической, откуда я вела его длинным коридором на улицу. После одного такого выступления вокруг него стояло много людей, подошедших к нему со своими вопросами и проблемами, и очень долго занимали его время. Я ждала у боковой двери. Я уже сняла с вешалки его пальто, кашне и шляпу и держала все это в руках, ожидая его, чтобы протянуть ему, когда он, наконец, освободится. Я долго стояла так у боковой двери зала, пока он не подошел. Он принял свои вещи, вернулся с ними в артистическую и повесил все снова на крюк. Затем он взял одно за другим и оделся. В высшей степени удивленная, я брякнула: «Но, господин доктор, можете ли себе представить, каково мне?» А он: «А можете ли Вы себе представить, каково мне?» Молча шли мы через довольно темный коридор, через который я обычно вела его за руку, так как он очень плохо видел в темноте. Тут он сказал: «Вы теперь сердиты на меня и позволяете мне наткаться на стену». А далее он спросил, разве я не знаю, почему он так сделал? На мой отрицательный ответ он возразил: «Подумайте над этим!»

На завтрашний и послезавтрашний день, когда он встречался мне, его первым вопросом было: «Вы подумали над этим?» Я совсем встревожилась, и когда ночью очередной раз пробудилась ото сна, меня осенило. Пока люди после лекции окружили г-на доктора Штейнера и осаждали его, я услаждала себя мыслью: «Стойте возле него, а я держу его пальто, его шляпу!» Когда доктор на следующий день в четвертый раз спросил, думала ли я об этом, я сказала: «Да, господин доктор, теперь я знаю, почему». Он ответил: «Видите ли, Сам, такого больше не должно быть». Всякий культ личности был противен ему, и ничто из этого не смело возникать вокруг него.

Таинственный посетитель

Однажды на Потсдам-штрассе в новом помещении и секретариате берлинской ветви передо мной предстал элегантный господин, как мне показалось, южного типа. Он хотел говорить с Рудольфом Штейнером. Я сказала, что его здесь нет. Он не отступал и настаивал на важности того, что он хотел обсудить с Рудольфом Штейнером. Таким образом, я согласилась поехать с ним на Мотц-штрассе, где в это время находился Доктор. По дороге в такси мне бросилось в глаза, что не считаясь с обстановкой, незнакомец бормотал про себя мантры. Мне становилось все тревожнее. Приехав на Мотц-штрассе, я не пошла с ним на

третий этаж к господину доктору, а отвела его в кабинет господина Вальтера на второй этаж. Я попросила господина Вальтера доложить наверх, передав визитную карточку для доктора. Господин Вальтер вернулся с решительным отказом: Рудольф Штейнер принять господина не может.

Тому пришлось уйти ни с чем. Некоторое время спустя к нам спустился доктор. Он сказал: «Сам, Вы спасли мне жизнь...» и поблагодарил меня. Он намекнул, что удалось отбить атаку против него.

Кухонный стол

Там в кухне стоит стол. Я называю его моим «священным столом». Пойдемте посмотрим на него. (Анна Самвебер пошла вперед; в своей бодрой, конкретной манере указала она на массивный стол из твердого дерева темного цвета). Мой рассказ сделает Вам понятным, почему он для меня — «священный стол».

Доктор говорил относительно мистерии Михаила и его миссии в берлинской ветви на Потсдам-штрассе, где у меня в то время была маленькая квартирка. Я была глубоко затронута и взбудоражена лекцией. После нее Рудольф Штейнер почти до половины первого ночи давал объяснения. Когда все ушли, он пришел ко мне, сел как раз за этот стол и сказал: «Сам, Вы ведь тоже хотели меня о чем-то спросить?» Я всегда старалась не утруждать доктора еще и моими личными допросами. Поэтому я сказала: «Нет, господин доктор». Он, однако, ответил: «Тем не менее, Сам, задайте, пожалуйста, свой вопрос». — «Ну, тогда, господин доктор, — ответила я робко, — во время Вашей лекции во мне возник вопрос: кто — Вы? Кем Вы были? Кем Вы будете?»

Доктор сразу же приступил к делу. Он нарисовал передо мной на столе кривую линию: его индивидуальность подобно красной нити проходит через все земное развитие и присутствует в нем с его начала.

Дословно он продолжал: «Если Вы задумаетесь с любовью и энтузиазмом, то Вы еще в этой жизни узнаете, кем я был». Дальше я его спросила: «Встретимся ли мы снова?» Он ответил: «Если Вы с любовью и энтузиазмом подумаете, кто — я, то мы встретимся снова», разговор за этим столом продолжался еще дальше. Я вспоминаю, что он также сказал здесь: «Во время странствий Христа по Земле, если человек, проходя мимо Него, смотрел Ему в глаза и принимал Его всего, то становился в следующей жизни христианином». Теперь Вы знаете, почему этот стол для меня «священный стол».

Разное

Когда после одной лекции на Потсдам-штрассе я сопровождала Рудольфа Штейнера домой на Мотц-штрассе, мы оказались возле польского посольства. «Пройдет немного времени, и здесь не останется камня на камне». Тогда я не могла понять эти слова. Когда я позднее жила в разрушенном Берлине, мне часто приходилось думать об этих словах, именно когда я шла через полностью разрушенный квартал в районе тогдашнего польского посольства.

Однажды Рудольф Штейнер упомянул, что 1984 год будет особенно тяжелым.

Иногда совсем неожиданно он высказывал нам мысли, падавшие как семена. Так, однажды, на остановке, когда мы ожидали трамвая, он сказал: «Без трехчленности — большевизм; без Антропософии — католицизм».

В своей книге «Как достигнуть познания высших миров» он упомянул однажды, что она годится только для личной работы; над всем остальным можно работать и сообща⁴.

На внутренней дверце своего шкафа доктор записывал даты дней рождения. Он придавал большое значение празднованию дня рождения и пояснял: «В ночь, следующую за днем рождения, человек ближе всего к своему Ангелу Хранителю и может беседовать с ним во сне, как человек с человеком».

В самом конце 1922 года

Я хранила тайное желание поехать в Дорнах к Рождеству 1922 года, чтобы совместно пережить тамошнее Рождественское собрание. Однако был период инфляции, и мои денежные средства полностью растаяли. К тому же я имела долг за высокий счет зубному врачу, вызванный несчастным случаем. В начале декабря господин и госпожа доктор находились в Берлине. Госпожа Доктор, постоянно заботившаяся о нашем здоровье, лично заплатила за меня зубному врачу и сказала, что на этот раз я должна отказаться от поездки в Дорнах, так как она дала согласие на это мадемуазель Тольх, другой сотруднице на Мотцштрассе, и согласилась взять на себя расходы на ее поездку в Дорнах. На нас обеих денег не доставало. Я была очень огорчена, а также и обеспокоена, так как мне было отчетливое откровение, что первый Гетеанум погибнет (до основания). Это пришло из врожденной способности, которая проявлялась в разное время моей жизни. Вскоре после отказа госпожи доктор я встретила на лестнице Рудольфа Штейнера. Я поделилась с ним своим горем и спросила, не мог бы он дать мне совет. Он уговаривал меня подождать Пасхального Собрания, тогда я могла бы опережить его пятую драму-мистерию. Г-жа доктор действительно имела теперь большие расходы, и имела их теперь так определенно.

Тогда у меня вырвалось: «Господин доктор, говорят, что если однажды в сосредоточенности пройти через западно-восточную ось Бау, тогда это явится для того, о ком идет речь, сущностно важным, необходимым элементом после его смерти. А если я не смогу приехать на Рождество, тогда я больше не увижу Бау! Мы его потеряем. Оно сторит, и на Пасху его уже не будет!?»

Господин доктор с удивлением посмотрел на меня и ушел, не сказав ни слова о сказанном мною, но утешая меня снова Пасхой. Помочь сейчас он не мог, и я должна была сама поискать, не окажется ли для меня возможности.

Господин и госпожа доктор уехали. Я осталась со своей тревогой. Так как я руководила секретариатом ветви, мне часто приходилось иметь дело со швейцарским консульством в Берлине, чтобы уладить дела с визами, тоже тогда стоившими денег. Итак, однажды пришла я в консульство и разговорилась с одним знакомым мне служащим. Он был готов обеспечить мне бесплатную визу для въезда в Швейцарию. Я обмолвилась, что смогу ли я справиться с остальными денежными трудностями за билет и так далее, но мне очень кстати была бы эта поездка.

На следующий день мне позвонил этот служащий: «Фрейлейн Самвебер. Ваше счастье! Красному Кресту требуется кто-либо, кто сможет сопроводить к Рождеству больных детей

⁴ В связи с этим можно привести следующее замечание Рудольфа Штейнера в лекции от 4 апреля 1916 г. (GA 167): «Очень важно знать, что всякое оккультное братство строится на основе трех степеней. В первой степени, мои милые друзья, — если символика употребляется правильно, а под «правильно» я понимаю, разумеется, то, на что я указал для нашей пятой постатлантической эпохи, — в первой степени души достигают того, чтобы иметь точное внутреннее переживание того, что существует знание, независимое от обычного физически-чувственного знания. И в этой первой степени они должны иметь определенную сумму такого, независимого от физического, знания. Каждый принадлежащий к первой степени сегодня, в пятой постатлантической эпохе должен был бы знать примерно то, что содержится в моей книге „Как достигнуть познания высших миров?“ А тот, кто принадлежит к третьей степени и получает знаменательные символы: знак, пожатие и слово, тот знает, что значит жить вне своего тела; он знает, что это значит — жить вне своего тела» (примечание одного переводчика).

из Берлина в Базель. Не хотите ли Вы взять это на себя?» — «Какой счастливый случай!» Я тотчас же согласилась. В конце декабря мы приехали в Базель, где я передала детей и могла держать путь в Дорнах⁵.

Когда я после лекции пошла поздороваться с доктором Штейнером, он приветливо поздоровался со мной и тотчас осведомился, имею ли я также квартиру. Когда я ответила отрицательно, он позаботился о том, чтобы я нашла приют в доме семьи ван дер Пальса.

В канун Нового года после полудня я прогуливалась с господином Герном и господином Дрешером по склонам Гемпена. Я находилась в ужасно обеспокоенном состоянии. Когда мы увидели расположенный ниже нас ландшафт с Гетеанумом, я сказала своим спутникам о моем дурном предчувствии относительно Бау. После этого высказывания господин Герн решил, что я ненормальная.

Вечером слушала я в Бау лекцию Рудольфа Штейнера «Духовный союз человечества». Отклонив предложение о совместной встрече Нового года с господином и госпожой Вальтер, моими берлинскими друзьями, а также с госпожой Финк, я отправилась в дом ван дер Пальса в свою комнату. Некоторое время спустя господин ван дер Пальс поднял меня по тревоге: «Бау горит, быстро вверх!» Так случилось, что ночь в канун Нового года я бодрствовала при пожаре Гетеанума и помогала спасать то, что еще можно было спасти.

Беспокоило, что и Столярную, стоявшую выше Гетеанума, с залами и ателье Рудольфа Штейнера, тоже охватил пожар. В ателье находилась деревянная скульптура, над которой долго работал Рудольф Штейнер, и которая после изготовления должна была быть установлена на центральном месте в Гетеануме. Она была девять метров высотой и была разобрана на куски (молодые люди вынесли их и положили свободно на лугу напротив дома де Ягера). Рудольф Штейнер поставил меня с другими, охранять эти деревянные части.

Я увидела под поднятой рукой статуи Христа бушевавшее пламя. Некоторое время я видела Рудольфа Штейнера стоявшим недалеко от меня рядом с мисс Мэррион и госпожой де Ягер, перед входом в ее дом. Когда купол с грохотом обрушился и взметнулось могучее пламя, меня охватило духовное переживание. Я увидела сияюще-белый Бау высоко вверху над местом пожарища. У меня появилась уверенность: сейчас происходит нечто величайшее. В пламени снизу вверх запылали краски металлических труб органа, и дальше было слышно что-то вроде звуков и одновременно пронзительных воплей. А когда я взглянула с другой стороны на дом де Ягера, я увидела Рудольфа Штейнера, окруженного громадной белой световой аурой, так что я крикнула сторожившим со мной: «Посмотрите на Доктора!» И я знала, сейчас происходит нечто между Доктором и горящим Бау. Мои товарищи не заметили этого, и картина исчезла.

Утром я увидела Рудольфа Штейнера, манящего меня к себе. Он просил меня прийти в дом Ханзи к госпоже доктор и остаться при ней. У нее были тогда трудности при ходьбе. Ночной пожар она в волнении переживала внизу, в саду. Когда же я теперь пришла в дом Ханзи, она приветствовала меня словами: «Как я счастлива, что Вы здесь!» Я оставалась с ней последующие дни и помогала там, где требовалась помощь. Госпожа доктор относилась ко мне с такой мягкой добротой, и одарила меня перед моим отъездом в Берлин хорошими вещами.

Таким образом, меня привела сюда удивительная цепь стечений обстоятельств — для того, чтобы я могла все же увидеть старый Гетеанум. Таким образом я смогла непосредственно разделить самые тяжелые часы судьбы Рудольфа Штейнера и Марии Штейнер.

В зале Берлинской филармонии

⁵ По всей вероятности, Анна Самвебер прибыла в Дорнах вечером 29 или 30 декабря. Она могла еще получить доступ на вечернюю лекцию Рудольфа Штейнера.

Это было во время открытой лекционной деятельности Рудольфа Штейнера в 1921-1922 годах об идее социальной трехчленности. Между крайними — коммунистической и национал-социалистической — партиями он ставил эту социальную идею и говорил уже об этом в разных районах Берлина. Я усердно вновь занималась распределением объявлений с сообщениями, и они заинтересовали тогда многих рабочих.

Через концертную администрацию «Вольф и Сакс», организующую такие, кроме внешних концертов, большие лекции, был снят зал филармонии для лекции о социальной трехчленности. Устроитель и административная дирекция филармонии получали письма с угрозами; следовало принять меры предосторожности, обеспечивая выступление доктора Штейнера.

Накануне лекции я пришла к администратору филармонии, где убедительно обратили мое внимание на то, что проведение лекции поставлено под угрозу. Не извещая доктора Штейнера, пришлось обратиться к уголовной полиции. Она взяла на себя защиту зала и расставила посты своих сотрудников даже у электрощита в подвале. Я осведомилась, возможно ли помимо главного входа обеспечить Рудольфу Штейнеру другой вход и выход. Такой выход имелся, но вел из артистической комнаты через двор к территории порта. Таким образом, оберегая доктора Штейнера, можно было избавить его от осады; имел место большой наплыв публики. Билеты в огромный зал были распроданы. Было также согласовано, что члены берлинской ветви Общества займут места на сцене за кафедрой доктора, для его защиты. Кроме того, я попросила одного моего знакомого специалиста по атлетическому воспитанию занять пост на сцене и в случае крайней опасности обеспечить Рудольфу Штейнеру путь к артистической.

После всех этих приготовлений я пришла на Мотц-штрассе, где находились господин и госпожа доктор, и сообщила им, что билеты распроданы. О встретившихся затруднениях я умолчала. Однако я попросила Рудольфа Штейнера вместе с госпожой доктор не идти в потоке публики, а воспользоваться задним входом. Он же сказал: «Ну хорошо, тогда Вы с госпожой доктор можете воспользоваться задним входом. Я же войду главным входом». Когда я не согласилась, он сказал: «Почему Вы хотите меня обмануть? Видите ли, на этот вечер я приглашен фирмой „Вольф и Сакс“. Она предоставляет автомобиль. Спросите фирму». С фирмой же мной все это было уже оговорено и, таким образом, Рудольф Штейнер согласился воспользоваться задним входом.

Зал был переполнен. Последние билеты доставались людям по ценам «черного рынка». В лекциях такого массового проведения Рудольф Штейнер часто говорил очень взыскательно, не делая никаких уступок популярно-сенсационным ожиданиям. Так было и в этот вечер. Он говорил громко, с напряжением, активно проводя свои идеи.

После окончания лекции я немедленно удалилась с Рудольфом Штейнером в артистическую. Он закрыл за нами дверь, повернул ключ и сказал: «Никого не звать!» Затем он опустился на пол, как бездыханный. Я очень испугалась и подумала: «Это — конец». Очень старым, тронутым смертью казалось его лицо. Минуты, которые он лежал так, казались вечностью. Неожиданно он начал шевелиться, поднялся самостоятельно и сказал мне: «Я победил демонов. Я их одолел». Когда кто-то постучал в дверь, он спросил, кто там. Эмиль Лайнхас назвал себя, и Рудольф Штейнер сам открыл ему дверь.

Берлинским друзьям

В конце 1923 года я жила в отпуске в Дорнахе и имела возможность принять участие в охране территории Гетеанума и особенно бдительной охране ателье Рудольфа Штейнера. Когда холодной ноябрьской ночью в поздний час я обходила пешком руины Гетеанума (так как оставался фундамент из бетона), я заметила при сторожевом обходе, что у Рудольфа Штейнера после полуночи еще был свет. При более позднем обходе, это могло быть около четырех часов утра, свет уже был погашен. Рудольф Штейнер ушел вниз в дом Ханзи. На

одно мгновение я остановилась как вкопанная. У меня возникло видение: Берлин в ярком пламени! — Под воздействием этого потрясения на следующий день я просила беседы с Рудольфом Штейнером. Он назначил мне встречу на следующий день перед обедом в одиннадцать часов утра в ателье. Я рассказала ему мое ночное переживание и добавила: «Антропософия — сосуд, из которого мы всегда сможем пить. Когда однажды наступят для нас тяжелые времена и мы лишимся Вас, господин доктор, то — не сможете ли Вы дать изречение для этого времени?!» Рудольф Штейнер согласился и назвал мне время, когда я могла бы придти в ателье.

На следующий день (вероятно, 10 ноября) я стояла в Столярной перед черной доской объявлений и читала приклеенную заметку о «марше к залу заседаний военачальников в Мюнхене», первом открытом прорыве национал-социалистов. Тут же подошел Рудольф Штейнер, он прочел и сказал нам, стоящим вокруг: «Если эти господа придут к власти, то моей ноги больше не будет на немецкой земле». Потом он обратился ко мне и сказал: «Сам, приходите, пожалуйста, сегодня после обеда в пять часов пить кофе в дом Ханзи!» Когда я пришла туда к указанному времени, то госпожа доктор сидела у стола с кофе. Она сказала мне: «Господин доктор рассказал мне, что Вы его кое о чем просили. Он очень обрадован Вашей просьбой». Вскоре вошел господин доктор, несущий под мышкой много документов. Он вручил мне письмо и сказал: «Сам, я должен просить Вас сегодня вечером выехать в Берлин, чтобы выполнить неотложное дело». Я была удивлена и возразила: «Господин доктор, у меня ведь есть еще несколько дней отпуска, которые я хотела бы провести здесь». Он открыл один документ — берлинский договор о квартирах. «Да, Сам, Вы должны оказать мне эту любезность». Госпожа доктор была взволнована; ведь они отстроили там зал и его нужно было снова перестраивать в квартиры. Тогда господин доктор повторил слова, которые он произнес у черной доски: «Да, госпожа доктор, если эти господа придут к власти, мы оба не сможем больше ступить на немецкую землю». Господин и госпожа доктор были серьезны, когда мы чуть позже поднялись к эвритмическому представлению. Господин доктор пошел в ателье, а я проводила госпожу доктор в ее комнату в Столярной и там попрощалась с ней. Затем я отправилась, как было условлено, в ателье.

Рудольф Штейнер был в глубокой задумчивости. Он стоял перед статуей Христа. На столе лежали слова изречения, написанного по моей просьбе. Передавая мне лист, он сказал: «Да, Сам, много боли в этих строках, настанет час, когда Вы все будете читать самое тяжелое между строк». Он положил мои руки себе на грудь и продолжил: «Скажите берлинским друзьям, что ... тогда я буду среди вас!». Он начертил мне знаки на лбу и на груди: «Сам, мне нужны верные и храбрые люди. Оставайтесь храброй и верной». На прощанье он поцеловал меня в лоб и попросил меня: «Я хочу, чтобы госпожа доктор попрощалась с Вами!» Я сказала, что это было сделано только что. Он же, однако, повторил свою просьбу и пошел со мной на ту сторону, в комнату госпожи доктор. Он попросил ее поцеловать меня на прощанье. После этого я покинула Столярную. Ночным поездом я прибыла в Берлин исполнить поручение Рудольфа Штейнера.

(Так как Рудольф Штейнер больше никогда не читал лекций в Берлине, то это была, вероятно, последняя встреча Анны Самвебер с Рудольфом Штейнером).

Изречение берлинским друзьям от Рудольфа Штейнера, 1923 года, переданное Анной Самвебер:

Берлинским друзьям

Смотрит человек
Оком, миром рожденным:
То, что он видит, связует его
С радостью мира и болью мира:
Связует его со всем,

Что будет здесь, но не менее
Со всем, что — туда низвергается,
В мрачные царства бездны.

Зрит человек
Оком, Духом дарованным:
То, что он зрит, связует его
С духовной надеждой и силой духовной опоры;
Связует его со всем,
Что коренится в вечности
И несет плоды вечности.

Но человек может видеть
Только, если внутреннее око само
Он ощущает духовным членом Бога
На арене души,
В храме человеческого тела,
Божественные деянья вершащим.
Человечество пребывает
В забвении божественно-внутреннего,
Мы не хотим принять его
В сознания ясный свет
И нести над прахом и пеплом
Пламя Богов в человеческом сердце.

Так пусть же наши обитатели чувств
Молнии в прах разрушают;
Мы воздвигнем обитатели в душах
Из познания
Сотканной Светом прочножелезной ткани.
И гибель внешнего
Станет восходом
Внутреннейшего души.

Страдание прокрадывается
От властей сил материи;
Надежда светит,
Хоть нас окружает мрак;
И она когда-нибудь проникнет в наше воспоминание,
Когда мы после мрака
Сможем снова жить в свете
Мы не допустим, чтобы этот сияющий Светоч
Со временем, в будущих просветлениях,
Мы потеряли
Из-за того, что теперь страданием
Не укоренили его в наших душах.

Истинный ученик

В кругах молодежного движения⁶ особенно отвергали доктора Карла Унгера и его, представляемую им строго познавательно, антропософию, которую Рудольф Штейнер очень ценил. Царило настоящее гонение на него из молодежных кругов. Карл Унгер был ведущим членом германского правления Антропософского общества. На генеральном Собрании этого германского Общества (1923 г.), в котором я принимала участие, Унгер говорил об этих проблемах. Внезапно Рудольф Штейнер прервал его и ко всеобщему удивлению объявил, что (для сглаживания противоречий) он организует для молодежи собственную общественную организацию. Она была потом названа «Свободным обществом». Унгер вернулся на свое место. В кругу его противников был триумф. Собрание на короткое время было прервано. Потом говорили руководители молодежного движения и снова — Рудольф Штейнер. В следующий (второй) перерыв, я отправилась в комнату госпожи Штейнер (это было в доме Густава Зиля). Чтобы снова пройти в зал, я воспользовалась известным мне путем через сцену. Когда я пошла им, на моем пути оказались стоявшие совсем одни Рудольф Штейнер и доктор Унгер. Я не решилась идти дальше и невольно стала свидетелем того, как Рудольф Штейнер как раз сказал доктору Унтеру: «Вероятно, Вы предпримите теперь поездку для отдыха...» Доктор Унгер ответил: «Нет, я останусь на своем месте!» Тогда Доктор Штейнер привлек его к своей груди, поцеловал в лоб и растроганно сказал: «Вы выдержали самое тяжелое испытание. Вы мой истинный ученик!»

Я заметила, как после собрания многие демонстративно игнорировали доктора Унгера. Тогда я вошла к нему и спросила, не могу ли я поехать к нему домой. Он согласился и я пережила, окруженная его покоем, то, как он свободно поднялся над фактами: над человеческим и общечеловеческим. Уже будучи больным, Рудольф Штейнер повторно просил Марию Штейнер (даже письменно, когда она была в поездке) выступать в защиту доктора Унгера и противиться гонению на него. Позднее, в некрологе 24 февраля 1929 года Мария Штейнер писала о деятельности Унгера:

«...Смутная мистика ощущений должна подчиняться строгому упражнению с объективно-логическим образованием понятий... Непринятие этой задачи доктора Унгера поднялось до рода неприятия его как личности. Он был слишком сухим, слишком рассудительным, слишком абстрактным — так называли его. Странно звучат эти суждения для тех, которые знали его ближе и переживали противоположное. Однако это науськивание заострилось вплоть до особого рода преследования. Изображалось так, как будто бы развитие нашего Общества не выносило этого, представляемого им направления в духовной работе, как если бы оно означало опасность. «Вреден был этот элемент» — это было далеко вокруг распространявшееся нашептывание. Однако это был тот элемент, который Рудольф Штейнер требовал у своих сотрудников и без которого он не представлял себе успешного развития нашего движения».

К смерти доктора Карла Унгера

⁶ К числу забот, выпавших на долю Рудольфа Штейнера в течение последнего периода его деятельности (1923-1924 гг.), принадлежало и улаживание трудностей между старшим и младшим поколениями, часто связанные с личным. Рудольф Штейнер упоминал это, среди прочего, в Штутгарте (3 февраля 1923 г.): «Независимо от оценок, дело обстоит однако в определенном смысле так, что существует взаимное непонимание! Старший возраст таков, что можно сказать: то, каков он, не является его виной, а его — судьбой! Сопrotивление молодежи старшим является одновременно и средством защиты, и слабостью».

И годом позже (Информационный бюллетень от 16 мая 1924 г): «Антропософия не должна иметь возраста; она живет в вечном, соединяющем всех людей... Молодежь же напрасно будет бороться за истинное человечество, убегая от этого человечества, в которое она однако однажды должна будет вступить».

13 декабря 1928 года доктор Карл Унгер читал в Берлине открытую лекцию, а на следующий вечер — лекцию в ветви касательно эзотерики, в которой он также высказался относительно опубликования определенного эзотерического текста, что давало повод к злоупотреблению. В зале господствовало возбуждение. В это время я имела очень страшное внутреннее переживание. Неожиданно я услышала три выстрела и увидела доктора Унгера, падающего на кафедру. Видение быстро прошло; и я видела доктора Унгера продолжающего говорить как и раньше. Во мне же была уверенность: Карла Унгера убьют.

После лекции мы — тридцать друзей — отправились вместе с доктором Унгером в кафе. Разговоры продолжались о стремлениях и заботах Антропософского движения и общества. Подошли к беседе о предстоящем Генеральном собрании в Дорнахе на Пасху. Доктор Унгер объяснил, что следовало бы там мужественно решить существующий конфликт. Он попросил меня в таком случае непременно приехать в Дорнах. Когда я сказала, что не знаю, будет ли это для меня возможно (из-за расходов), он сказал мне: «Это моя забота, я нуждаюсь в людях, обладающих мужеством!»

По выходе из кафе я прошла вместе с доктором Унгером часть пути по направлению к Потсдамс-платц. Я сказала ему, что после его выступлений публикацию упомянутых текстов я также считаю правильной и спросила его, обсудил ли он это дело с госпожой доктор Штейнер. Он ответил на вопрос отрицательно. Он говорил, исходя из своей собственной ответственности: но в скором времени, к Рождеству, он поедет в Дорнах и сделает это, так как публикация должна осуществиться.

Перед отелем «Фюрстенхоф», где жил доктор Унгер, я набралась мужества и сказала: «Господин доктор Унгер, у меня есть еще нечто важное и лично-доверительное, что надо Вам сказать, но я не могу сделать это здесь, на улице». В его комнате я начала еще раз: «Господин доктор Унгер, я прошу, отрегулируйте и уладьте уже теперь к Рождеству, дела с германским Обществом и текстами в Дорнахе». Он возразил, что дела с Обществом страны могут быть разрешены вероятно только к Пасхе, во время Генерального собрания. Я повторила: «Господин доктор Унгер, у нас нет времени. Приведите все в порядок к Рождеству. Мы Вас потеряем. Вас убьют».

Он принял мое откровение многозначительно. Став очень серьезным, посмотрел на меня и ответил: «Раз это так, я постараюсь к Рождеству — в Дорнахе я приведу в порядок также дело с германским Обществом!»

На прощанье мы подали друг другу руки. Он проводил меня вниз к подъезду. Это была наша последняя встреча.

Господин доктор Унгер действительно попытался к Рождеству, в Дорнахе, привести дела в порядок. Он убеждал своих противников в германском правлении — господ доктора Колиско и доктора Штейна — пойти на уступки. Так как этого не случилось, доктор Унгер вышел не только из Правления Общества (страны), но и отказался от членства в том же Обществе.

К Рождеству и кануну Нового года я каждый раз приглашала к себе в Берлин членов, не имеющих семьи. Мы праздновали на Потсдам-штрассе, где я имела при секретариате и помещениях ветви маленькую квартирку. Такое приглашение было сделано также на следующий вечер после кануна Нового года. В дружеском кругу хотели мы совместно отметить наступление Нового года. Когда колокола возвестили Новый год, я открыла по старинному семейному обычаю окно и крикнула, размахивая за окном рукой: «Старый Год уходит!» И с жестом привета: «Новый Год, входи!» — В то же мгновение я снова услышала три выстрела и увидела ужасное. Потрясенно я крикнула друзьям: «Мы потеряли доктора Унгера!» Наш праздник внезапно оборвался и вскоре друзья простилась.

Несколькими днями позже, 4 января 1929 года состоялось внутреннее мероприятие, для чего я натопила зал. Когда я вошла в него незадолго до половины седьмого, я пережила в третий раз смерть доктора Унгера. После мероприятия, поздним вечером, мне позвонили по телефону из секретариата Антропософского общества. Меня просили дать справку об известном докторе Унгер, застреленном в этот вечер в Нюрнберге, где он должен был

читать лекцию об Антропософии (доктор Унгер был убит выстрелами душевнобольного). На следующее утро это было сообщено различными газетами.

Карл Унгер оставил мне после себя письмо, в котором он сообщил, что он смог переговорить на Рождестве в Дорнахе с госпожой доктор Штейнер, и смог найти взаимное соглашение, а дело с германским Обществом страны он привел в порядок.

Позднейшие переживания

Это было в двадцатые годы, когда я из газетной статьи узнала, что в Германии появилась «польская батрачка», выдающая себя за дочь царя — Анастасию. На основании уже описанной мной встречи с царской семьей в Одессе, я решила заняться выяснением этого факта.

Случайно я наткнулась в своих розысках на дворянский род «фон Альтенбург», находившийся в близком родстве с царицей. Благодаря связям я смогла добиться возможности быть приглашенной к общему приему, где также должна была присутствовать «так называемая» Анастасия. Когда я увидела ее и вступила в беседу, то у меня не осталось сомнений в том, что это — она. Однако я умолчала о моем пребывании в Одессе и о пережитом в вагоне царской семьи. Некоторое время «Анастасия» жила в Берлине в датском посольстве. Я хотела тщательно проверить факты. При содействии господина Ветта я смогла ее посетить. Вскоре после этого, в следующий Рождественский вечер, я пригласила ее в мою квартиру. «Анастасия» рассказала мне о своих воспоминаниях. Я слегка коснулась Одессы, «Анастасия» тотчас начала рассказывать о своем посещении Одессы с семьей в 1914 году и о пребывании в салоне поезда. Она сообщила мне о детском приеме и о том, как мать шлепнула ее по руке из-за шоколада перед всеми. Мне же было представлено неопровержимое доказательство того, что она подлинная Анастасия. Теперь я могла познакомиться с ней ближе и сообщить, что я тогда была в салон-вагоне в качестве учительницы с маленькой детской делегацией. Я предъявила ей фотографию.

В этот вечер она рассказала также об экзекуции в подвале Екатеринбурга, где вся их семья была расстреляна. Она стояла перед одной из старших сестер и получила, вероятно, только легкое ранение, однако упала вместе с остальными и потеряла сознание. Мужчины, вывозившие трупы для сожжения, должно быть заметили, что раненая девочка еще жива. Нужно знать русских. Стрелять по приказу, это сделают; но убить раненого, стонущего ребенка? — тут говорит сердце и действует сострадание.

Семейство фон Адътенбург помогало Анастасии вести первый процесс за признание ее имени, ее порядка наследования. В английском банке хранилось большое состояние царской семьи. Самый младший брат царя, Кирилл, жил со своей женой тогда в Париже и уже давно боролся за наследование состояния. Жена Кирилла была сильной противницей Анастасии, в то время как сам Кирилл, казалось, был убежден в ее подлинности. Так как Анастасия говорила на простонародном русском языке, то ее хотели устранить уже с позиции проблемы языка, царица, ее мать, будучи немкой, выросла в Англии. Я сама узнала в Одессе, что при дворе разговорными языками были английский и немецкий языки. Эти языки были Анастасии еще менее знакомы. Я выступила свидетельницей на процессе, причем фотография царской семьи 1914 года, которой я еще обладала, и соответствующие показания, имели большое значение.

Однажды я проходила с Анастасией в Берлине возле вокзала «Зоо», где находилось кино. В качестве рекламы как раз идущего фильма о Распутине, был помещен огромный плакат-портрет Распутина. Как только взгляд Анастасии упал на него, она вскрикнула: «Святой!» и рухнула в обморок рядом со мной. Несмотря на приложенные усилия она лишь после двух часов снова обрела сознание.

Процесс продолжался годы. Пришла мировая война и прервала его. Лишь некоторое время спустя, после Второй мировой войны, процесс был возобновлен. Конечно, Анастасию

преследовала известность. Она согласилась продать свою историю одной кинокомпании. На полученные средства и с помощью друзей она смогла вести уединенную жизнь в южной Германии, возле Унтерленген-хордта в захолустном доме. Процесс продолжался. Некоторое время назад у меня были в течение нескольких часов судьи из Англии. Я дала исчерпывающие сведения, получила в ответ, среди прочих, сведения о письме Великого князя Кирилла к Юсупову, относительно Анастасии, в котором ей предлагались отступные.

Такое предложение дошло до Анастасии. Но она отказалась со словами «Я не хочу никаких денег, я хочу мое имя!» (Тем временем, простившись с прошлым, Анастасия вступила в поздний брак в США. Анна Самвебер знала ее адрес и имела глубокое сострадание к этой, быть может, самой тяжелой женской судьбе нашего столетия).

Точность судьбы

В конце Второй мировой войны, когда русские ворвались в разрушенный Берлин, я находилась в строительном комплексе на Мотц-штрассе, который был еще пригоден для жилья. Я подбадривала жен и матерей, уже противостоя русским и защищая женщин от них. Я была на посту внизу во дворе и теперь, когда они пришли, я обратилась к ним громко и по-русски: «Здесь нет врагов», я обратилась к их совести — оставить беззащитных матерей в покое. Их начальник, коренастый офицер, шагнул ко мне и спросил, не была ли я в Одессе? Слово за слово, и он объяснил, что некоторое время он учился там в немецкой школе и поэтому он знает меня. От радости он схватил меня, поднял меня высоко перед своими солдатами и крикнул: «Смотрите, это моя учительница!» Таким образом, мы все были спасены. Да, мы получили даже продукты питания. В дальнейшем я была привлечена русскими в качестве переводчицы и могла добиться для гражданского населения Берлина разных облегчений. Тем, что я получила здесь такую прекрасную квартиру в доме Лессинга-Николаи, который находится под охраной памятников, я обязана этому отношению и этой деятельности. Во время берлинского периода своей жизни здесь когда-то жил Лессинг, и в этом прекрасном помещении, в котором мы теперь находимся, он переводил Шекспира, а Фридрих Николаи с Лессингом и Моисеем Мендельсоном, его близкими друзьями, основали «Библиотеку изобразительных искусств и свободных художеств».

Это произошло два года назад, когда я однажды внизу, у подъезда дома, встретила молодого незнакомца, который с дорожной книжкой в руке искал что-то вокруг. Он спросил меня: «Не это ли дом Лессинга-Николаи?» Я подтвердила и заметила, что он русский. Тотчас мы перешли к оживленной беседе по-русски. Он был военным инженером и имел несколько дней отпуска. Выяснилось, что он родился в Одессе. Я спросила, на какой улице. Это была та самая улица, на которой я жила прежде. Когда же я спросила о номере дома, выяснилось, что он родился в том же доме и вырос в том же доме, где я жила в семье немецкого судовладельца. Это был религиозный и благочестивый человек. Мы беседовали, хорошо понимая друг друга; о Христе и христианстве. На прощанье он перекрестил меня. Месяцем позже он прислал мне обещанную открытку с видом Одессы, а также с изображением нашего с ним «общего» дома.

Несколько лет назад я получила сообщение, что я должна буду в скором времени съехать с квартиры в доме Лессинга, так как он должен ремонтироваться.

Здесь я была так хорошо устроена с некоторой унаследованной от Рудольфа Штейнера мебелью и его Сикстинской Мадонной на столе. Наступил день, когда государственный эксперт, архитектор посетил меня, чтобы посмотреть квартиру, дом и сообщить мне о сроке переезда. В моей квартире я повесила портрет Рудольфа Штейнера. Когда эксперт осматривал помещение, он зашел туда, некоторое время рассматривал портрет и сказал мне: «У моих родителей тоже висел этот портрет Рудольфа Штейнера. Они почитали его. Госпожа Самвебер, я буду просить, чтобы Вам разрешили занять в этом большом доме

другую квартиру, когда эта сейчас будет ремонтироваться». Он действительно осуществил это.

Вторично был поставлен вопрос о моем местопребывании в этом доме; даже существовала идея реорганизовать ее в музей. Снова пришел эксперт переселять меня. Когда я разговаривала с ним, он устремил взгляд на кулон, который я носила на шее на цепочке. Неожиданно он спросил, как мне достался этот кулон. Я рассказала ему, что мне подарила эту драгоценность одна еврейка, которой я смогла оказать любезность до того, как она попала в лагерь уничтожения в Терезиенштадте. Тогда он доверил мне, совершенно растроганно, что это была его мать, чью особенную драгоценность отчеканил он еще ребенком. Она погибла в Терезиенштадте. Дальнейшие переговоры вскоре показали, что он, не жалея ничего, сделает так, чтобы я могла остаться в этой квартире. Таким образом, я все еще здесь, рабочий стул Рудольфа Штейнера тоже при мне. Да, так конкретно переживается водительство судьбы!

Приложение

Выдержка из завещания Рудольфа Штейнера.
Берлин, Мотц-штрассе, 17, от 4 июля 1910 г.

Завещание

Этим я, нижеподписавшийся, разъясняю, что после моей смерти силу моего завещания будет иметь следующее:

1. Вся находящаяся в моем владении корреспонденция, так же как все другие мной написанные рукописи и письма, переходят после моей смерти в собственность фройляйн Марии фон Сиверс, в настоящее время проживает: Берлин, Мотц-штрассе, 17. Только она решает по ее собственному усмотрению и с учетом моих, ей известных, намерений, что должно произойти с охарактеризованным. То же самое будет действительно для всех находящихся в моем владении документов.

2. Фройляйн Мария фон Сиверс после моей смерти действительно будет управляющей моим письменным наследием, распорядиться переизданием моих трудов, так же как и публикацией моих рукописей, речей и т.д.

Доктор Рудольф Штейнер

Согласно вступлению в брак Рудольфа Штейнера и Марии фон Сиверс составлено 18 марта 1915 года двухстороннее нотариальное завещание, составленное в смысле предшествующего; оно содержит в параграфе 4 формулировку:

Если один из супругов переживет другого, то он является неограниченным наследником и может свободно завещать общее наследство.